УДК 347.456.3 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-107-113

ПРОБЛЕМА «СПРАВЕДЛИВОСТИ» В ИНСТИТУТЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА ИЛИ «ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ОБОРОНЫ» ЗАЕМЩИКОВ

Игдиров Борис Сергеевич аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: boris.igdirov@yandex.ru

Аннотация

С момента принятия части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) понятие «справедливость» перестало быть лишь фикцией (иллюзией) и нашло свое легальное отражение, поводом чему, вне всякого сомнения, послужило осознание ключевых идей частного права, возрождение которых стало актуальным с переходом к рыночным отношениям. Вместе с тем, нерешенный вопрос о статусе категории, отсутствие единства подходов законодателя к определению области применения «справедливости» препятствуют осмыслению этого феномена представителями юридического сообщества и его реализации в правоприменительной практике.

Ключевые слова: *справедливость, законность, потребительский кредит, суд, законодатель, баланс интересов, слабая сторона.*

В ранее опубликованных научно-исследовательских работах «Признание «кабальности» сделок в потребительском кредитовании», «Потребительские займы с условием о капитализации процентов» нами была изучена негативная судебная практика, сложившаяся по целому ряду категорий споров, возникающих в сфере кредитных отношений с участием физических лиц. При этом рассмотренный перечень не является исчерпывающим.

Впрочем, подходя объективно к анализу дел по рассматриваемой проблематике, стоит обозначить и споры, связанные с исполнением кредитных обязательств, в которых положительное решение суда для кредитной организации «не будет гарантировано».

Так, досрочное погашение заемщиком задолженности по договору потребительского кредита, заключенному с условием погашения кредита аннуитетными платежами, является основанием для перерасчета процентов, если погашение кредита произведено заемщиком с учетом процентов, рассчитанных за весь период кредитования (Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2015 N 89-КГ14-5, Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2016 по делу N 33-11479/2016 (Определением Московского городского суда от 29.06.2016 N 4г-6702/2016 отказано в передаче дела для пересмотра данного Определения)). На противоправность обязательства заемщика-потребителя по возврату банку процентов за период, в котором пользование суммой кредита не осуществлялось, указывают и Карапетов А.Г., Фетисова Е.М., Матвиенко С.В., Бондаревская М.В. в собственных комментариях к практике судебной коллегии Верховного суда Российской Федерации по гражданским делам за 2015 год [1].

Большинство судов, основываясь на положениях ст. 333 ГК РФ[1], снижают размер заявляемой кредитными организациями договорной неустойки, мотивируя свои решения обеспечением разумного баланса интересов участников обязательства, иными словами, баланса между применяемой к заемщику мерой ответственности и размером действительного ущерба финансовой организации, причиненного в результате совершенного клиентом правонарушения (Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2017 по делу N 33-17561/2017, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22.08.2017 N 33-17814/2017 по делу N 2-2599/2017, Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 28.03.2017 по делу N 33-1514/2017, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.09.2017 по делу N 33-15335/2017, Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 30.11.2016 по делу N 33-16155/2016).

Прямым правонарушением, по мнению судебных органов, признается повсеместная практика банков по пакетированию финансовых услуг, предоставляемых заемщикам-потребителям. Речь идет о ситуациях, когда оказание основной финансовой услуги обременено (обусловлено) оказанием иных возмездных услуг банка (например, выдача кредита обусловлена оказанием услуг по открытию и обслуживанию банковского счета).

Вышеуказанная позиция подтверждена судебной практикой Роспотребнадзора: определение ВС РФ от 28 марта 2016 г. № 309КГ16-1165; постановления Арбитражного суда Уральского округа от 1 апреля 2016 г. № Ф09-1087/16 по делу № А60-23007/2015; от 18 марта 2016 г. № Ф09-765/16 по делу № А60-24561/2015; от 11 марта 2016 г. № Ф09-656/16 по делу № А764314/2015; от 28 декабря 2015 г. № Ф09-10431/15 по делу № А60-13477/2015; от 30 июня 2015 г. № Ф09-182/15 по делу № А60-39898/2014; от 24 марта 2015 г. № Ф09-194/15 по делу № А60-21788/2014; от 18 ноября 2015 г. № Ф09-7923/15 по делу № А60-58331/2014; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 февраля 2014 г. по делу № А70-6209/2013, и другие судебные акты.

Таким образом, нельзя не отметить позитивный вектор развития судебной практики в сфере потребительского кредитования, когда по перечисленным и некоторым другим разновидностям кредитных споров, заемщикам удается (лично или с помощью контрольно-надзорного органа) защитить свои права и добиться *справедливости* в судах.

Мы не случайно акцентируем внимание именно на термине «справедливость», а не «законность». Анализируя научную литературу на предмет выявления сущности последней, мы пришли к выводу, что многие авторы отождествляют законность с неукоснительным подчинением правовым нормам всех субъектов права – граждан, организаций, государственных органов; равенством всех перед законом; верховенством закона; недопустимостью произвола в деятельности должностных лиц, и т. д.

Так, например, по мнению М.К. Треушникова, изучающего особенности реализации принципа законности в правоприменительной деятельности: «Принцип законности по своему содержанию включает в себя требование к судам правильно применять нормы материального (регулятивного) права и совершать процессуальные действия, во исполнение норм гражданского процессуального права» [2, с. 5].

Однако, несмотря на плюрализм научных подходов, не вызывает сомнений тот факт, что «законность» подразумевает соблюдение всех процедурных требований при установлении юридического значения (квалификации) обстоятельств дела, при выборе нормы права, подлежащей применению.

Что касается «справедливости» (от лат. «justice»), то настоящая категория традиционно представляет существенную сложность для изучения вследствие ее субъективного содержания, неоднозначности и сложности понимания. Стоит отметить,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - ст. 3301.

что, подчеркивая универсальный характер и регулирующее воздействие «справедливости» в процессе правоприменения, ни законодательный орган, ни доктрина, ни практика Конституционного суда РФ прямо не толкуют и не раскрывают данное понятие, довольствуясь его выведением из содержания отдельных норм и институтов гражданского права (п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 65.2, ст. 308.3 ГК РФ и т. д.).

Экс-председатель Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа Ю.В. Романец, обращающий внимание на триединую сущность понятия «справедливость» (нравственную, социальную и юридическую), стремится донести до читателя мысль о том, что «…справедливость представляет собой не просто должное, а нравственно должное отношение» к человеку [3, с. 96].

По существу, категория «справедливость», по нашему мнению, проходя «красной нитью» через гражданское законодательство, выполняет регулирующую функцию, определяя поведение участников гражданского оборота, основное содержание, характер толкования и применения норм гражданского права, и в силу чего является принципом, который необходимо прямо закрепить в ст. 1 ГК РФ (основные начала). Думается, что, рассматривая «справедливость» сквозь призму гражданских правоотношений, последнюю следует представить как такое правовое регулирование, при котором ни один из контрагентов не имеет возможности извлекать из него необоснованную выгоду.

Таким образом, «законность» представляет собой формальный принцип (организационный принцип правоприменительной деятельности), который не определяет содержания гражданско-правового регулирования, а лишь требует облечь те или иные правила в законодательные рамки. Напротив, «справедливость» является содержательным принципом (принципом правоприменительной деятельности), поскольку предопределяет непосредственно сущность, внутреннее содержание нормы права.

В большинстве случаев суды руководствуются исключительно формальным подходом при рассмотрении споров граждан с банками и не исследуют фактических обстоятельств дела по существу. Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере из нашей практики.

В 2007 году Гражданин заключил с банком договор потребительского кредита в иностранной валюте, в обеспечение обязательств по которому стороны зарегистрировали договор ипотеки - залога приобретенной двухкомнатной квартиры. Кредит был выдан в размере 130 000 (сто тридцать тысяч) долларов на 15 (пятнадцать) лет.

Валютный кризис 2008 года не повлек для заемщика существенного изменения размера ежемесячно вносимых им платежей по возврату кредита. Однако, резкое ослабление обменного курса рубля по отношению к мировым валютам, произошедшее в 2014 году, сопряженное с потерей заемщиком работы, привело к увеличению объема задолженности перед банком более чем в два раза!

Девальвация российского рубля, результатом которой стал существенный спад на рынке недвижимости в рассматриваемый период, способствовала возникновению ситуации, когда предмет залога (ипотеки) уже не обеспечивал требований залогодержателя в полном объеме, иными словами, стоимость заложенной банку квартиры оказалась меньше оставшейся суммы долга.

В рамках досудебного урегулирования конфликта между заемщиком и кредитной организацией, возникшего вследствие неисполнения обязательств со стороны клиента по возврату кредита, последний предпринял попытку обратиться в банк с заявлением о реструктуризации образовавшейся задолженности по кредитному договору. Однако, банком в удовлетворении заявленных должником требований было отказано.

Обращения заемщика в контрольно-надзорные органы также не принесли никаких положительных результатов, как следствие, он был вынужден обратиться в суд с требованием о внесении изменений в договор, позволяющих гасить задолженность по курсу, зафиксированному на момент выдачи кредита. Наши коллеги, представлявшие интересы заемщика, свою позицию построили на использовании предусмотренного

гражданским законодательством механизма защиты более слабой стороны договора от навязывания ей «несправедливых условий» (ст. 428 ГК РФ).

«Данная статья закрепляет один из так называемых инструментов «ex post» ограничения свободы договора … посредством делегации судам компетенции по блокированию тех или иных проявлений свободы договора при разрешении возникшего судебного спора. В отличие от «ex ante» ограничений в форме императивных норм, которые известны сторонам заранее, при «ex post» ограничении свободы договора (в том числе посредством ст. 428 ГК РФ) блокирование свободы договора и выяснение неправомерности включения в договор того или иного условия осуществляется постфактум, уже после заключения договора» [4].

Суд, изучив обстоятельства дела, ожидаемо встал на сторону кредитной организации. По мнению суда, условие кредитного договора о том, что риск изменения курса валюты долга лежит на заемщике, не противоречит закону. Возврат суммы кредита по более низкому курсу, чем текущий, приравнивается судом к возврату суммы задолженности не в полном объеме, что влечет за собой нарушение имущественных прав кредитора.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на недопустимость формального подхода при рассмотрении подобных споров ввиду следующего:

Во-первых, кредитные организации вправе застраховаться от всех (или некоторых наиболее существенных) рисков, которые связаны со спецификой их деятельности. Так, существует целая система страхования банковских рисков, которая включает в себя меры, направленные на защиту банковского учреждения от возможных убытков, которые банк может понести, в том числе и в связи с резким колебанием курса валют.

Кроме того, в 2014 году Агентство по страхованию вкладов за счет кредита Центрального банка Российской Федерации предоставило банкам в рамках санации существенную сумму денежных средств под очень низкую процентную ставку. Следовательно, банки имеют возможность осуществлять кредитование на значительно более выгодных условиях, нежели заемщики-потребители.

Во-вторых, большая часть имевшихся в указанный период у кредитных организаций валютных обязательств была исполнена банками, как только начался кризис. Между тем у заемщика отсутствовала возможность возвратить полученную денежную сумму. В этом и заключалось проявление категории несправедливости в рамках рассматриваемого спора.

В связи с вышесказанным заслуживает внимание утверждение Директора общества с ограниченной ответственностью «Юридическая фирма «ДИАЛЕКС» Чухутова А.А., который считает, что «сущность права не заключается в том, чтобы добиться исполнения обязательства должником любой ценой. Основная идея гражданского права заключается в том, что право должно стремиться к соразмерности прав и обязанностей участников правоотношений и обеспечению равных возможностей для реализации законных интересов».

Мы разделяем точку зрения автора суждения на проблему, поднятую в настоящей статье. В приведенном примере у одной из сторон кредитного договора (кредитора) риски были сведены к нулю, банк получил денежные средства в размере выданного заемщику кредита, а также извлек сверхприбыль. Баланс интересов сторон не был соблюден судом при вынесении решения.

При этом обращаем ваше внимание на то обстоятельство, что кредитная организация изначально не несла обязательства по кредитному договору в объеме, который она должна была бы покрыть за счет выплаченной заемщиком денежной суммы, с учетом существенно изменившегося курса рубля по отношению к иностранной валюте.

Денежные средства, полученные банковским учреждением от заемщика в виде прибыли, возникшей в связи с резким ростом курсовой разницы, являются для первого «спекулятивным доходом» в чистом виде, поскольку сам по себе соответствующий доход является неожиданным. В свою очередь для заемщика-потребителя выплаченная

кредитору сумма в виде разницы, на которую увеличилась стоимость кредитного продукта, является «спекулятивным убытком».

При вынесении решения в анализируемом деле суд также подчеркнул, что нестабильная экономическая ситуация в стране должна была приниматься в расчет в момент заключения договора. Позволим себе не согласиться с указанной позицией суда.

В нашем случае заемщиком по кредитному договору выступает физическое лицо (потребитель), совершившее сделку для личных нужд, в то время как банк является профессиональным участником на финансовом рынке. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что заемщик не обладал специальными познаниями в сфере банковской деятельности и, следовательно, не мог и не должен был предвидеть соответствующих действий Банка России в 2013 году, а специалистами подразделения банка, обеспечивающего анализ и оценку рисков, не была доведена информация до заемщика о том, что Банк России может изменить правила формирования курса доллара США, что впоследствии может повлечь увеличение стоимости кредита и заемщик может в значительной степени лишиться того, на что рассчитывал при подписании кредитного договора.

Таким образом, заемщик, обладая меньшими финансовыми возможностями, нежели банк, и не имея в наличие аналитических служб, осуществляющих деятельность по прогнозированию рисков, находится в заведомо невыгодном положении по отношению к кредитору. Как следствие, требовать от заемщика соблюдения условий кредитного договора в данном случае считаем некорректным.

Прискорбно, что приведенный пример не единственный, когда суды формально подходят к решению вопросов и не справляются со стоящей перед ними задачей определения обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения конкретного спора, и, тем самым, создают возможность для злоупотреблений со стороны недобросовестных контрагентов.

Так, банк, злоупотребляя правом в отношении должника, годами не обращается в суд о взыскании кредита, тем самым пролонгируя начисление неустойки в целях собственного обогащения. С родственников заемщика, выступающих в качестве солидарных должников, финансовое учреждение взыскивает долг по кредиту, невзирая на обстоятельство, что, кроме подписания кредитного договора, указанные лица более не принимали участия в кредитно-залоговых правоотношениях: денежные средства фактически не получали, сделки купли-продажи объекта недвижимого имущества не совершали, в качестве залогодателя перед банком не выступали (речь не идет о поручительстве как способе обеспечения кредитного обязательства).

В подобных случаях суды, как правило, ссылаются на законность условий договора потребительского кредита, а также отсутствие порока воли заемщика при заключении сделки. Своей подписью в кредитном договоре заемщик подтверждает, что условия договора им прочитаны, они ему понятны и он с ними согласен.

Безусловно, осуществляя правоприменительную деятельность, судебные органы не должны выходить за рамки закона. С другой стороны, мы не должны забывать, что согласно известному римскому изречению, основополагающими принципами, на которых строится право, являются добро и справедливость.

Размышляя о сущности права, мы не можем не обратиться к высказыванию к.ю.н., партнера ООО «Пепеляев Групп» Бевзенко Р.С., прозвучавшему на недавнем VIII Московском юридическом форуме «Главные правовые события года»: «Право это не только то, что написано в законах. Право – это то, что мы считаем правильным и справедливым». В таком понимании вызывает сомнения, что искусственное увеличение кредитором долга заемщика и/или привлечение близких родственников заемщика к солидарной ответственности, при условии, что денежные средства по кредитному договору они в действительности не получали, соответствуют критерию «справедливости».

Ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы и не исследуя фактические обстоятельства дела по существу, суды игнорируют одно из базовых требований гражданского законодательства – требование «справедливости» при реализации субъектами отношений своих прав (п. 2 ст. 6 ГК РФ). Более того, «некоторые судьи, даже не пытаясь разрешить конфликт, по всей видимости, полагая, что это невозможно и это не является целью судебного процесса, стали озабочены лишь тем, как вынести решение, которое устояло бы в вышестоящих инстанциях» [5]. В противном случае видится, что судебная практика по спорам, вытекающим из заключения, изменения, расторжения договора потребительского кредита, а также привлечения к ответственности за нарушение условий договора могла бы существенно развернуться в пользу потребителей финансовых услуг.

Подводя общую черту, хотелось бы отметить, что в многолетнем противостоянии формализма со «справедливостью» на сегодняшний день российская практическая юриспруденция склоняется в сторону формально-нормативистского подхода к урегулированию конфликта между субъектами права. В условиях увеличения количества обращений и ограниченных ресурсов, не позволяющих справиться с возрастающим объемом судебной работы, судьи осознанно осуществляют толкование норм закона в отрыве от общих начал цивилистики, не вникают в суть спора, игнорируют доводы сторон, что, как представляется, может приводить и приводит лишь к несправедливому решению конкретного спора.

Вышеописанная проблема особенно остро в настоящее время стоит в сфере кредитования физических лиц, принципиальная особенность которой состоит в неравенстве субъектов складывающихся правоотношений. С одной стороны, обыкновенный человек – немного беспечный и обладающий низким уровнем финансово-правовой грамотности, а с другой – кредитная организация, являющаяся профессиональным участником финансового рынка, с собственным юридическим отделом, агрессивной рекламой и запутанными схемами по извлечению максимальной прибыли.

Полагаем, что для исправления ситуации необходимо законодательно установить запреты и возложить дополнительные обязательства на кредитную организацию, а заемщику, как более слабой стороне кредитного договора, в свою очередь, предоставить различные правовые льготы. До момента внесения соответствующих изменений в нормативно-правовые акты заемщикам, в целях наиболее оперативного и справедливого разрешения возникших споров с банками, остается только одно – обращаться в судебные инстанции.

Как показывает практика, все попытки заемщика апеллировать с жалобой на действия банка в органы прокуратуры или службу по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России не приносят ожидаемого (положительного) эффекта и приводят к напрасной потере времени. Спустя месяц после подачи жалобы заявитель получает «стандартную» отписку, содержание которой сводиться к тому, что государственный орган усматривает гражданско-правовые отношения, в связи с чем для разрешения возникшего спора рекомендует лицу, подавшему жалобу, обратиться в суд.

В последнее время наблюдается увеличение количества прецедентов, в которых суды мотивируют принятое решение, ссылаясь на нравственный принцип «справедливости». Связано это с тем, что правоприменительные органы постепенно отходят от бюрократии и формальной состязательности при рассмотрении дел и начинают играть более активную роль при ведении процесса.

Хотелось бы, чтобы отмеченную положительную тенденцию судебной практики – речь идет о расширении применения нового принципа, позволяющего в отдельных случаях отступать от строгого применения закона – продолжил в своих законодательных инициативах о потребительском кредитовании Верховный Суд Российской Федерации.

Литература

1. *Карапетов А.Г., Фетисова Е.М., Матвиенко С.В., Бондаревская М.В.* Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за март 2015 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. N 4. С. 25 – 70.
2. *Хайруллин В.И*. Одна из классических концепций категории справедливости // Право и политика. 2012. N 16.
3. *Романец Ю.В.* Этические основы права и правоприменения. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. 400 с.
4. *Карапетов А.Г.* Судебный контроль справедливости договорных условий в целях защиты слабой стороны: комментарий к новой редакции ст. 428 ГК РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru (дата обращения 01.07.2019).
5. *Султанов А.Р.* Жажда справедливости: борьба за суд. М.: Статут, 2014. 304 с.

Igdirov Boris Sergeevich, a postgraduate student, Department of Civil and Business Law, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: boris.igdirov@yandex.ru

«EQUITY» ISSUE AT THE CONSUMER CREDIT INSTITUTION OR THE «LAST LINE OF DEFENSE» OF BORROWERS

Abstract

Since the adoption of part one of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter - the Civil Code of the Russian Federation), the concept of «justice» has ceased to be just a fiction (illusion) and has found its legal reflection, the reason for which, without a doubt, was the recognition of the key ideas of private law, the revival of which became relevant with the transition to market relations. At the same time, the unresolved issue of the status of the category, the lack of unity of the legislator's approaches to determining the scope of «justice» prevent representatives of the legal community from understanding this phenomenon and its implementation in law enforcement practice.

Key words*: justice, legitimacy, consumer credit, court, legislator, balance of interests, weak side.*

References

1. Karapetov A.G., Fetisova E.M., Matvienko S.V., Bondarevskaya M.V. Obzor pravovyh pozicij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam chastnogo prava za mart 2015 g. // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2015. N 4. S. 25 – 70.
2. Hajrullin V.I. Odna iz klassicheskih koncepcij kategorii spravedlivosti // Pravo i politika. 2012. N 16.
3. Romanec YU.V. Eticheskie osnovy prava i pravoprimeneniya. M.: IKD «Zercalo-M», 2012. 400 s.
4. Karapetov A.G. Sudebnyj kontrol' spravedlivosti dogovornyh uslovij v celyah zashchity slaboj storony: kommentarij k novoj redakcii st. 428 GK RF [Elektronnyj resurs]. – URL: https://zakon.ru (data obrashcheniya 01.07.2019).
5. Sultanov A.R. ZHazhda spravedlivosti: bor'ba za sud. M.: Statut, 2014. 304 s.